

ИЮНЬ
2025

Война как социальный лифт

Потенциал и социально-
экономическое влияние
российского военного
кейнсианства

Марлен ЛАРЮЭЛЬ

4ifri
depuis
1979

Центр
Россия/Евразия

Французский Институт Международных Отношений (Ифри) является ведущим независимым центром исследований, информации и общественных дебатов в области актуальных международных вопросов во Франции. Он был создан в 1979 году Тьерри де Монбриалем и имеет статус общественно значимого Фонда (декрет от 16 ноября 2022 г.). Институт не подчинен какому-либо административному органу, самостоятельно определяет направления своей деятельности и регулярно публикует результаты своих исследований.

Ответственность за мнения, высказанные в данной статье, возлагается исключительно на её автора.

*Данная статья опубликована в рамках проекта
«Обсерватория России, Южного Кавказа и Восточной Европы» при поддержке
Генеральной Дирекции по Международным Дела и Стратегии (DGRIS)
Министерства Армий Франции.*

ISBN: 979-10-373-1071-2

© Все права защищены, Ifri, 2025

Обложка: Баннерная реклама набора в российскую армию

© Константин Ленков/Shutterstock.com

Прочитать публикацию:

Марлен Ларюэль, «Война как социальный лифт: социально-экономическое влияние российского военного кейнсианства», *Russie.Eurasie.Visions*, № 139, Ифри, июнь 2025.

Ifri

27 rue de la Procession 75740 Paris Cedex 15—FRANCE

Tel.: +33 (0)1 40 61 60 00—Fax: +33 (0)1 40 61 60 60

Email: accueil@ifri.org

Веб-сайт: ifri.org

Russie.Eurasie.Visions

Электронная коллекция Центра *Russia.Eurasia.Visions* (ранее *Russia.Nei.Visions*) заняла прочное место среди международных аналитических публикаций. Ее статьи регулярно выходят на трех языках (французском, английском и русском). Опираясь на сеть признанных экспертов, а также перспективных молодых исследователей, она предлагает оригинальные аналитические материалы, предназначенные для лиц, принимающих решения, исследователей, а также для широкой общественности, интересующейся международными отношениями.

Редакционная коллегия

Главный редактор: Татьяна Кастуева-Жан

Заместитель главного редактора: Димитри Миник

Помощник редактора: Лили Пигэ

Подписка и контакты: Мари-Лисс де Шапте

Автор

Марлен Ларюэль — профессор международных отношений и политических наук в Институте европейских, российских и евразийских исследований (Institut pour les études européennes, russes et eurasiennes (IERES)) при Университете Джорджа Вашингтона (George Washington University) (Вашингтон, округ Колумбия), где руководит программой изучения иллиберализма (Illiberalism Studies Program). С 2009 по 2024 год была ассоциированным исследователем в Центре по изучению России/Евразии Французского института международных отношений (Centre Russie/Eurasie de l'Ifri). Её последняя книга называется *Ideology and Meaning-Making under the Putin Regime* [Идеология и создание смыслов при путинском режиме] (Stanford, 2025).

Резюме

Для финансирования военных действий российское государство потратило значительные средства и внедрило некую форму «военного кейнсианства», которое трансформирует общество как в социально-экономическом, так и в культурном плане. Этот подход частично выравнивает серьёзные различия в уровне достатка, потребления и социального престижа, предоставляя значительные финансовые и символические привилегии периферийным регионам России, долгое время фактически забытым центральной властью.

Тем не менее, российское военное кейнсианство порождает и негативные последствия. Спустя три года после начала войны социально-экономические выгоды, полученные наименее обеспеченными слоями российского общества, начинают достигать предела. Как бы ни сложилось экономическое будущее страны и её политическая траектория, изменения, вызванные войной, будут определять облик российского общества ещё на протяжении многих лет.

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	6
УСПЕХИ И ОГРАНИЧЕНИЯ РОССИЙСКОГО ВОЕННОГО КЕЙНСИАНСТВА	8
РЕГИОНАЛЬНОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЕ ДОХОДОВ В РЕЗУЛЬТАТЕ ВОЙНЫ	12
МОНЕТИЗАЦИЯ ВОЕННОГО ПАТРИОТИЗМА И ЕЁ СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ	17
ОЦЕНКА И ПОДДЕРЖКА ВЕТЕРАНОВ: РЕИНТЕГРАЦИЯ И ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ ВЛИЯНИЕ НА ОБЩЕСТВО	21
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	25

Введение

Социально-экономическое влияние войны в Украине на российское общество остаётся слабо изученным на Западе, где дискуссии сосредоточены преимущественно на состоянии общественного мнения в России и на характере его видимой поддержки войны в Украине¹. Если российское общество демонстрирует устойчивость и сумело адаптироваться к неопределённости, связанной с войной, сочетая осторожный оптимизм в отношении настоящего с глубокой тревожностью по поводу будущего², то её социально-экономическое воздействие остаётся значительно менее понятным. Для финансирования военных действий российское государство потратило значительные суммы и внедрило форму так называемого «военного кейнсианства»³, то есть, с одной стороны, осуществило масштабное перераспределение государственных доходов в пользу военно-промышленного комплекса, а с другой — обеспечило значительную финансовую поддержку сотням тысяч мужчин на фронте и их семьям. Такое военное кейнсианство трансформирует общество как в социально-экономическом, так и в культурном плане. Оно частично выравнивает существующие различия в уровне достатка, потребления и социального престижа, предоставляя значительные финансовые и символические преимущества периферийным регионам России, долгое время фактически забытым центральной властью.

Российское военное кейнсианство, однако, порождает и негативные последствия: истощение государственных ресурсов, сохраняющуюся инфляцию, трудности в гражданских отраслях,

Перевод с французского на русский язык выполнен Cadenza.

1. E. Koneva, «The Rating Games of Vladimir Putin» [Рейтинговые игры Владимира Путина], *The Russia Program's Academic Policy Papers Series*, № 7, 31 января 2025, доступно по ссылке: <https://therussiaprogram.org>.

2. D. Volkov, «Long-Term Adaptation: How Past Crisis Experience Helps Russians Stay Optimistic» [Долгосрочная адаптация: как опыт прошлых кризисов помогает россиянам сохранять оптимизм], *Russia.Post*, 23 августа 2024, доступно по ссылке: <https://russiapost.info>; D. Volkov, «Russians Look Back on 2024: Inflation as Chronic Disease, End to War a Distant Dream» [Россияне вспоминают 2024 год: инфляция как хроническая болезнь, окончание войны — далёкая мечта], *Russia.Post*, 13 января 2025, доступно по ссылке: <https://russiapost.info>; M. Alyukov и др., «We Need to Carry on. Ethnography of Russian Regions during Wartime» [Нужно продолжать жить: этнография российских регионов во время войны], *Public Sociology Laboratory*, № 5, 17 декабря 2024, доступно по ссылке: <https://therussiaprogram.org>.

3. V. Ishchenko, I. Matveev, O. Zhuravlev, «Military Keynesianism: Who Benefits from the War in Ukraine?» [Военный кейнсианство: кто выигрывает от войны в Украине?], *PONARS Eurasia Policy Memo*, № 865, 8 ноября 2023, доступно по ссылке: www.ponarseurasia.org.

которым сложно функционировать в условиях приоритета, отдаваемого государством военно-промышленному сектору, а также растущую зависимость от Китая. Каково социально-экономическое и культурное воздействие этого военного кейнсианства? Какие российские регионы выигрывают, а какие теряют в условиях военной экономики? Какое влияние окажет массовое возвращение ветеранов в Россию на российское общество?

Успехи и ограничения российского военного кейнсианства

С начала войны российская экономика стала предметом противоречивых оценок со стороны западных экспертов, варьирующихся от прогнозов неминуемого краха до высокой устойчивости. В целом, российская экономика оказалась более устойчивой к западным санкциям, чем ожидалось: внутренний рынок адаптировался к переориентации импорта, были углублены или созданы партнёрские отношения со странами так называемого «Глобального Юга» в то время, колоссальные средства были направлены на поддержку военных усилий⁴.

Так называемое военное кейнсианство оформилось во второй половине 2022 года, когда Кремль понял необходимость адаптации экономики к долгосрочному противостоянию с Западом. Эта новая стратегия достигла полного размаха в 2023 году и в первой половине 2024 года⁵. Производство военной техники и отрасли, непосредственно связанные с войной (транспорт, ИТ, электроника и др.), продемонстрировали стремительный рост: его темпы составили 3,6% в 2023 году и 3,9% в 2024 году⁶. Однако во второй половине 2024 года начали проявляться признаки замедления, и в начале 2025го этот спад стал очевидным.

Усилия Центрального банка России по сдерживанию инфляции путём повышения ключевой ставки (20% в июне 2025 года), нестабильность рубля (колебания между 80 и более чем 100 рублями за доллар), а также вторичные санкции, введённые в отношении иностранных компаний, сотрудничающих с Россией, стали самыми заметными внешними признаками. Однако это экономическое замедление не поколебало политическую решимость российского правительства: на 2025 год федеральный бюджет выделил 8% ВВП на оборону и национальную безопасность, что эквивалентно примерно 200 миллиардам долларов и является рекордом за всю постсоветскую

4. A. Libman, «Will the Strategy of Isolating Russia Ever Work?» [Сработает ли когда-нибудь стратегия изоляции России?], *Russia.Post*, 25 января 2024, доступно по ссылке: <https://russiapost.info>.

5. T. Rybakova, «The End of Military Keynesianism in Russia» [Конец военного кейнсианства в России], *Russia.Post*, 9 декабря 2024, доступно по ссылке: <https://russiapost.info>.

6. *Russia GDP Annual Growth Rate* [Годовой темп роста ВВП России], Trading Economics, просмотрено 11 июня 2025, доступно по ссылке: <https://tradingeconomics.com>.

историю России, составив более 40% всех бюджетных расходов и превысив таким образом доминировавшие ранее социальные расходы⁷.

Некоторые экономисты, такие как Сергей Алексашенко, Владислав Иноземцев и Дмитрий Некрасов, рассматривают это военное кейнсианство как успешную стратегию для режима Владимира Путина, поскольку оно позволило справиться с санкциями, запустить военно-промышленное производство и обеспечить полную занятость⁸. Рубль, например, стал самой эффективной валютой в мире в 2024 году, согласно данным Bloomberg⁹. Другие, такие как Юрий Данилов и Александра Прокопенко, указывают на слабости военной экономики: финансовую нестабильность, риск дефолта, растущий дефицит рабочей силы и истощение государственных ресурсов¹⁰. В частности, государство израсходовало примерно половину своего Суверенного фонда (56 миллиардов долларов резервов в 2024 году против 113 миллиардов долларов до начала войны¹¹).

Российская военная экономика в ближайшей и среднесрочной перспективе будет сталкиваться с четырьмя вызовами: ростом военных расходов за счёт гражданских отраслей, более высокими государственными расходами, превышающими доходы, внутренним потребительским спросом, который растёт быстрее, чем предложение товаров (что провоцирует инфляцию) и ускоренным ростом зависимости от китайского партнёра¹².

Предприятия, связанные с военно-промышленным комплексом — напрямую или косвенно — зафиксировали значительное увеличение объёмов заказов (в это число входят многочисленные подотрасли,

7. А. Волошинов, «ГД приняла бюджет на 2025 год с рекордными тратами на войну», *Deutsche Welle*, 21 ноября 2024, доступно по ссылке: www.dw.com.

8. S. Aleksashenko, V. Inozemtsev, D. Nekrasov, «Российская Экономика Во Время Войны», *Center for Analysis and Strategies in Europe*, ноябрь 2024, доступно по ссылке: <https://case-center.org>.

9. «Ruble is Top Performing Global Currency as US Trade Wars Hit Dollar» [Рубль — самая укрепившаяся валюта в мире на фоне торговых войн США против доллара], *Bloomberg News*, 15 апреля 2025, доступно по ссылке: www.bloomberg.com.

10. Y. Danilov, «How Government Policies Are Weakening the Stability of the Russian Economy» [Как государственная политика подрывает стабильность российской экономики], *Russia.Post*, 10 января, 2025, доступно по ссылке: <https://russiapost.info>; A. Prokopenko, «Russia's Economic Gamble: The Hidden Costs of War-Driven Growth» [Экономическая авантюра России: скрытые издержки роста, вызванного войной], *Carnegie Endowment for International Peace*, 20 декабря 2024, доступно по ссылке: <https://carnegieendowment.org>.

11. P.-M. Meunier, «Russia Is on a Slow Path to Bankruptcy, But How Slow?» [Россия идёт по медленному пути к банкротству — но насколько медленному?], *War on the Rocks*, 11 сентября 2024, доступно по ссылке: <https://warontherocks.com>.

12. I. Lipsits, Y. Senshin, «Russia Is Squandering the Last Remaining Reserves and Savings Accrued in the Pre-War Period» [Россия растрчивает последние оставшиеся резервы и сбережения, накопленные в довоенный период], *Russia.Post*, 19 июля 2024, доступно по ссылке: <https://russiapost.info>.

такие как, например, металлургическое производство), что произошло в ущерб предприятиям сектора услуг, для которых государственная поддержка сократилась, тогда как налоги и стоимость импортных товаров выросли¹³. Уровень риска банкротства также достиг очень высоких значений: к концу 2024 года более 20% предприятий обрабатывающей промышленности направляли более двух третей своей прибыли до уплаты налогов на погашение долгов, то есть в два раза больше, чем в 2023 году¹⁴. Крупные представители промышленности, такие как Алексей Мордашов, возглавляющий «Северсталь» — крупнейший горнодобывающий холдинг России, или Сергей Чemezov, глава госкорпорации «Ростех», также сообщают о трудностях с управлением долговой нагрузкой.

Кроме того, российская экономика сталкивается с хроническим дефицитом квалифицированной рабочей силы, что в значительной степени связано с замедлением демографического роста и оттоком за границу молодых специалистов. Эта системная проблема усугубилась после начала войны, в ходе которой для участия в боевых действиях были мобилизованы сотни тысяч мужчин, что привело к большому числу погибших и раненых¹⁵, а также вызвало, начиная с февраля 2022 года, эмиграцию более полумиллиона квалифицированных специалистов¹⁶. Уровень безработицы остаётся очень низким (в пределах 2%¹⁷); в стране сегодня не хватает примерно 5 миллионов работников, что составляет около 7% от всей рабочей силы¹⁸. Этот дефицит был усилен мерами российских властей, направленными против мигрантов, после теракта в «Крокус Сити Холле» в марте 2024 года, в результате которых значительно сократился поток мигрантов из Центральной Азии и с Кавказа¹⁹. Несмотря на очень высокие зарплаты (см. ниже), Министерство

13. N. Trickett, «Russia's Tired Hydraulic Keynesianism» [Уставший гидравлический кейнсианизм России], *Riddle Russia*, 26 сентября 2024, доступно по ссылке: <https://ridl.io>.

14. «Does Russia Really Face a Wave of Bankruptcies?» [Действительно ли Россия сталкивается с волной банкротств?], *The Bell*, 25 марта 2025, доступно по ссылке: <https://en.thebell.io>.

15. Y. Fedorov, «Les effectifs de l'armée russe après deux ans et demi de guerre en Ukraine» [Численность российской армии после двух с половиной лет войны в Украине], *Russie.Eurasie.Reports*, № 48, ноябрь 2024, доступно по ссылке: www.ifri.org.

16. Численность составляет примерно 800 000 человек, при этом часть из них уже вернулась в Россию. См. M. Zavadskaya, «The War-Induced Exodus from Russia: A Security Problem or a Convenient Political Bogey?» [Вызванный войной исход из России: проблема безопасности или удобный политический страшилка?], *Finnish Institute of International Affairs*, № 358, март 2023, доступно по ссылке: <https://fiia.fi>.

17. *Taux de chômage mensuel en Russie* [Ежемесячный уровень безработицы в России], Statista, просмотрено 11 июня 2025, доступно по ссылке: <https://fr.statista>.

18. A. Sakhnin, L. Smirnova, «Russia Struggles to Fill Jobs» [Россия испытывает трудности с заполнением рабочих мест], *Le Monde Diplomatique*, февраль 2025, доступно по ссылке: <https://mondediplo.com>.

19. M. Sallouf, «La Russie a déporté 80 000 migrants en 2024, soit deux fois plus que l'année précédente» [Россия депортировала 80 000 мигрантов в 2024 году, что вдвое больше, чем в прошлом году], *Le Grand Continent*, 10 января 2025, доступно по ссылке: <https://legrandcontinent.eu>.

обороны заявляет о нехватке 160 000 специалистов, и, по словам первого заместителя премьер-министра Дениса Мантурова, это количество к 2025–2026 годам может достичь 250 000 человек²⁰.

В условиях столь противоречивой экономической ситуации военная экономика, внедрённая с 2022 года, оказывает значительное влияние как в региональном, так и в социальном измерении.

20. «Мантуров заявил, что потребность в кадрах для ОПК в РФ составляет 160 тыс. человек», *TASS*, 7 июня 2024, доступно по ссылке: <https://tass.ru>; «Ситуацию с кадрами в сфере ОПК обсудили на Кадровом конгрессе в Москве», *Smotrim*, 11 июля 2024, доступно по ссылке: <https://smotrim.ru>.

Региональное и социальное перераспределение доходов в результате войны

Военное кейнсианство преобразует российское общество на нескольких уровнях, создавая эффект перераспределения как в региональном, так и в социальном измерении, в стране, традиционно разделённой на несколько крупных социально-экономических регионов с весьма разными условиями жизни. Среди наиболее благополучных регионов находятся две столицы (Москва и Санкт-Петербург), а также крупные мегаполисы (Екатеринбург, Казань, Новосибирск, Сочи и др.), за которыми следуют нефте- и газодобывающие регионы (Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа), затем чернозёмные районы южной части России с агропромышленной экономикой (Краснодар, Ростов, Воронеж, Ставрополь и др.). На нижнем уровне шкалы располагается периферийная Россия — малые провинциальные города и сельские, отстающие районы, слабо интегрированные в логистические сети — среди которых самые бедные регионы страны, например Псковская или Ивановская области, а также многие республики Сибири (такие как Бурятия или Тува) и Северного Кавказа²¹. До начала войны более 55% общей стоимости производимой в стране продукции приходилось на десять самых богатых регионов, тогда как доля десяти самых бедных составляла около 9%. В 2019 году разница в ВВП на душу населения между субъектами РФ составляла от 1,5 миллиона рублей в самых богатых до 145 700 рублей в самых бедных регионах²².

Война парадоксальным образом привела к определённому перераспределению богатства. Федеральные округа Центра, Урала и Поволжья, где сосредоточены крупные предприятия военно-промышленного комплекса, а также их металлургические и электронные дочерние компании, зафиксировали значительный рост промышленного производства²³. То же касается сектора логистики и

21. M. Laruelle, J. Radvanyi, *Russia. Great Power, Weakened State* [Россия. Великая держава, слабое государство], Lanham, Roman & Littlefield, 2023, стр. 22-23.

22. Там же.

23. Сырые данные промышленного производства за 2022–2024 годы (пункт 16), Росстат, доступно по ссылке: <https://rosstat.gov.ru>.

транспорта, а также всего, что связано с ВПК: текстильная промышленность для производства военной формы, агропромышленный комплекс для обеспечения продовольствием солдат на фронте и т. д. В то же время нефте- и газодобывающие регионы оказались в состоянии рецессии или стагнации из-за санкций, тогда как регионы Пензенской, Тульской, Самарской, Брянской и Свердловской областей, а также республики Удмуртия, Чувашия и Марий Эл продемонстрировали быстрый рост промышленного производства²⁴. Это частично объясняет, почему бывший губернатор Тульской области Алексей Дюмин в 2024 году был повышен до поста помощника президента России и секретаря Государственного совета. Кроме того, двое из его ближайших соратников — Дмитрий Миляев и Вячеслав Федорищев — стали соответственно губернаторами Тульской и Самарской областей, двух ключевых регионов военно-промышленного комплекса.

В некоторых регионах Дальнего Востока также наблюдалось экономическое оживление, например, в Хабаровском крае и Забайкалье, поскольку они стали важными логистическими узлами в условиях переориентации российской внешней торговли в сторону Азии, особенно Китая²⁵. Наконец, так называемые «новые территории», — то есть четыре украинских региона (Донецкая, Луганская, Запорожская и Херсонская области), аннексированные Россией (но оккупированные лишь частично) в сентябре 2022 года, — получают специальные субсидии и значительные инвестиции в сферу (восстановительного) строительства, примером чего является Мариуполь. Там предлагаются очень высокие зарплаты (более 2700 долларов в месяц, что более чем в два раза превышает среднюю региональную зарплату в России²⁶) всем, кто готов туда переехать²⁷.

Как часто бывает, региональные различия отражают линии социальных разломов. Если перенести фокус с регионов на социальные группы, то два слоя населения, особенно широко представленные в вышеупомянутых регионах, благодаря войне значительно улучшили свои жизненные условия.

24. Н. Зубаревич, «Экономическая география эпохи СВО: как изменилась российская экономика в разрезе регионов», *Re-Russia*, 13 июня 2023, доступно по ссылке: <https://re-russia.net>.

25. Там же.

26. N. Nedyelko, «Russia Uses Pay, Perks To Promote Labor Migration To Occupied Areas In Ukraine» [Россия использует зарплаты и льготы для стимулирования трудовой миграции в оккупированные районы Украины], *RFE/RF*, 10 апреля 2024, доступно по ссылке: www.rferl.org.

27. D. Lewis, «Economic Crime and Illicit Finance in Russia's Occupation Regime in Ukraine» [Экономическая преступность и незаконные финансовые операции в режиме оккупации России в Украине], *Serious Organized Crime and Anti-Corruption Evidence*, № 20, сентябрь 2023, стр. 42, доступно по ссылке: www.socace-research.org.

Прежде всего, это работники военно-промышленного комплекса (от инженеров до рабочих), всего от 3 до 4 миллионов человек, из которых от 500 000 до 800 000 были наняты с начала войны²⁸. Они пользуются не только бронью от мобилизации (в 2025 году эта льгота была отменена, но затем восстановлена в некоторых секторах²⁹), но также осенью 2022 года получили двукратное повышение заработной платы. Кроме того, они могут получить различные льготы, такие как помощь в ипотечном кредитовании или оплачиваемые отпуска на побережье Чёрного моря. Некоторые компании даже предлагали бонус в размере 100 000 рублей (около 1000 долларов) работникам, которые приведут знакомого, согласного трудоустроиться, — что указывает на острую нехватку рабочей силы в этом секторе³⁰.

Вторая социальная группа, выигрывающая от щедрости государства, — это военнотруженики, отправленные на фронт, особенно те, кто подписывает контракт с Министерством обороны. По данным российских властей, в 2023–2024 годах таких контрактников насчитывалось около 400 000 в год, но эти цифры противоречивы и требуют осторожного подхода, как показывают расследования ряда журналистов³¹. Чтобы привлечь как можно больше добровольцев, государство постепенно увеличивало компенсации (см. ниже), что свидетельствует о том, что набор идёт не так легко, как сообщают официальные СМИ.

Набор также приобрёл территориальное измерение: между регионами и городами развернулась жёсткая конкуренция. Региональные и муниципальные власти увеличивают бонусы за подписание контракта, чтобы привлечь больше добровольцев и тем самым продемонстрировать свою лояльность Кремлю. Так, власти Крыма предлагают каждому подписавшему контракт, независимо от места регистрации (прописки), участок земли на полуострове, — в надежде привлечь тех, кто мечтает о пенсии под солнцем и у моря³².

28. «Численность кадров, задействованных в ОПК России, достигла 3,8 млн человек», *Nezavisimaja gazeta*, 12 августа 2024, доступно по ссылке: www.ng.ru; S. Starchak, «Russian Defense Sector Increasingly Having Trouble Attracting Workers» [Российский оборонный сектор всё больше испытывает трудности с привлечением работников], *Russia.Post*, 19 августа 2024, доступно по ссылке: <https://russiapost.info>.

29. «Сколько действует бронь от мобилизации и кому она положена?», *SecretMag*, 30 ноября 2024, доступно по ссылке: <https://secretmag.ru>.

30. «Мы заинтересованы, чтобы вы зарабатывали лям», *Важные истории*, 8 апреля 2024, доступно по ссылке: <https://istories.media>.

31. K. Bonch-Osmolovskaya, S. Savina, «More Soldiers at All Costs» [Больше солдат любой ценой], *Важные истории*, 1 августа 2024, доступно по ссылке: <https://istories.media>.

32. «Участникам вторжения в Украину, заключившим контракты в Крыму, будут выдавать земельные участки на полуострове», *Meduza* (опубликовано в Telegram), 27 августа 2024, доступно по ссылке: <https://t.me/meduzalive>.

Некоторые регионы стали более важными «поставщиками» контрактников на фронт, чем другие. В марте 2025 года, по данным ВВС и «Медиазона», число подтверждённых погибших достигло 100 000 человек (поимённо), и 160 000, — если учитывать данные по числу оформленных наследственных дел в государственном реестре³³. Анализ этих показателей позволяет определить «карманы» на карте, откуда на фронт отправляется больше всего солдат: это Краснодарский и Забайкальский края, Ростовская и Псковская области, республики Тува, Бурятия и Дагестан, а в меньшей степени, — республики Калмыкия, Удмуртия, Алтай, Адыгея и Марий Эл³⁴.

Наиболее бедные республики Северного Кавказа и Южной Сибири, а также крупные сельскохозяйственные регионы европейской части России представляют собой важный резерв военнослужащих: они располагают самым большим числом мужчин — преимущественно молодых, но не только. Данные показывают, что большинство мужчин, отправляемых на фронт, находятся в возрасте от 30 до 45 лет³⁵ и не имеют стабильного дохода или престижной профессии. В этнических республиках это не только представители соответствующей национальности, но также и этнические русские, — основной фактор отбора здесь заключается в бедности и отсутствии профессиональных перспектив.

Как показала исследовательница Екатерина Курбангалеева, с начала войны именно беднейшие регионы России продемонстрировали заметный рост доходов, что привело к увеличению общих налоговых поступлений в федеральный и региональный бюджеты. «В 2024 году 49 территорий, — почти 60% всех регионов, — показали рост на 50 % общего объема налоговых поступлений по сравнению с 2021 годом, и почти половина регионов, включенных в список 2024 года, ранее считались отсталыми», такие как Тульская область (+122% от общего объема налоговых поступлений), Пермский край (+127%), Республика Калмыкия (+101%), Чувашская Республика (+99,7%), Магаданская область (+99,5%), Республика Марий Эл (+93%), Забайкальский край, Смоленская область, Костромская область и Карачаево-Черкесская

33. «Russian Losses in the War with Ukraine» [Потери России в войне с Украиной], *Mediazona*, март 2025, доступно по ссылке: <https://en.zona.media>.

34. С. Савина, К. Бонч-Осмоловская, «Какие регионы отдали больше всего мужчин на войну», *Важные истории*, 5 октября 2022, доступно по ссылке: <https://istories.media>; L. Solanko, «Where Do Russia's Mobilized Soldiers Come from? Evidence from Bank Deposits» [Откуда приходят мобилизованные солдаты России? Данные из банковских вкладов], *BOFIT Policy Briefs*, 2024, доступно по ссылке: <https://ideas.repec.org>.

35. «Russian Wosses in the War with Ukraine» [Потери России в войне с Украиной], указ. соч.

Республика (около +78% каждая) и, особенно, Амурская область, где общие налоговые поступления выросли на 309%³⁶.

Жители крупных мегаполисов, особенно Москвы и Санкт-Петербурга, в значительной степени защищены от призыва и давления, связанного с вербовкой: власти не желают затрагивать городские обеспеченные социальные слои, чья лояльность важна для устойчивости режима. Поэтому два крупнейших города стремились компенсировать свои низкие показатели набора, предлагая более высокие выплаты, чтобы привлечь контрактников из других регионов, что позволяет Москве выглядеть главным центром рекрутинга контрактников³⁷. Богатые регионы, таким образом, используют свои финансовые ресурсы, чтобы привлекать контрактников из бедных регионов, которые затем получают косвенную выгоду от реинвестирования доходов этих солдат в местную экономику. Эти территориальные и социально-экономические трансформации также влияют на экономику домохозяйств и потребительские привычки российских граждан.

36. E. Kurbangaleeva, «Economic Gains and Political Loyalty: How Rising Incomes Drive Support for Russia's Authoritarian Regime», [Экономические выгоды и политическая лояльность: как рост доходов способствует поддержке авторитарного режима в России], публикация ожидается в ближайшее время.

37. «От мэра Москвы потребовали отправить на войну 23 тысячи москвичей», *The Moscow Times* (опубликовано в Telegram), 14 августа 2024, доступно по ссылке: <https://t.me>.

Монетизация военного патриотизма и её социальные последствия

С целью привлечения контрактников власти прибегли к множеству финансовых и социально-значимых стимулов. Им предлагают зарплаты в размере около 200 000 рублей в месяц (что составляет примерно 2 000 долларов при среднем месячном доходе по стране в 800 долларов в 2024 году), а также выплаты бонуса в момент подписания контракта, которые могут достигать 2 миллионов рублей (20 000 долларов³⁸). Суммируя федеральные и местные выплаты, некоторые солдаты могут получить на выходе весьма внушительную сумму, — порядка 50 000 долларов. И если они не будут убиты или ранены на фронте, то смогут накопить такие средства, какие многим из них были бы недоступны за всю жизнь тяжёлого труда. Раненые военнослужащие могут рассчитывать на выплату в размере 3 миллионов рублей (примерно 30 000 долларов) от государства, к которой добавляются региональные пособия. В случае гибели солдата его семья получает 5 миллионов рублей (50 000 долларов), также дополняемые региональными компенсациями.

Все военнослужащие получают звание «ветеран специальной военной операции» («ветеран СВО»), — престижный статус, являющийся продолжением традиции признания ветеранов Великой Отечественной войны, а также войн в Афганистане и Чечне. Это сопровождается предоставлением экономических и социальных льгот, — скромных в абсолютном выражении, но значимых для самых уязвимых слоёв населения: медицинское обслуживание, улучшенные условия труда, оплата текущих счетов, оплачиваемый отпуск и льготный доступ к общественному транспорту. Семьи также получают выгоду: дети военнослужащих имеют право на бесплатное обучение в университетах и освобождаются от платы за школьную столовую; медицинская страховка для всей семьи оплачивается государством; им предоставляются кредиты с низкой процентной ставкой и другие привилегии³⁹.

38. В. Гусев, «Сколько получают контрактники и мобилизованные в 2023 году», *RTVI*, 1 октября 2023, доступно по ссылке: <https://rtvi.com>.

39. Е. Краецкая, «Льготы участникам СВО и членам их семей», *Дело-пресс*, 2023, доступно по ссылке: <https://delo-press.ru>.

Эти социальные расходы, лежащие тяжёлым бременем на государственный бюджет, тем не менее, начинают незаметно сокращаться. Так, в ноябре 2024 года правительство изменило порядок выплат за ранения, полученные на фронте, разделив их на тяжёлые (3 миллиона рублей — сумма, которая ранее выплачивалась автоматически) и лёгкие (1 миллион — новая категория). Это нововведение ставит солдат в зависимость от медицинской бюрократии и от её коррупционных схем, поскольку она решает, к какой категории отнести их ранения⁴⁰.

Война меняет социальный облик России. Летом 2024 года зарплаты военнослужащих, участвующих в боевых действиях, входили в число 10–15% самых высоких по стране⁴¹. Центр макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования (ЦМАКП), — аналитический центр, близкий к правительству, — говорит даже о зарождении нового среднего класса благодаря этим масштабным перераспределениям государственных средств⁴². Число людей со средней месячной зарплатой свыше 100 000 рублей (1 000 долларов) удвоилось, например, с 2021 по 2023 год, — с 5,7% до 10% населения⁴³. Средняя заработная плата выросла на несколько процентных пунктов, даже с учётом инфляции, в то время как потребление домашних хозяйств заметно увеличилось в 2023 году и в первом полугодии 2024 года⁴⁴. Данные государственного статистического агентства Росстат подтверждают рост реальных располагаемых денежных доходов⁴⁵.

По данным Левада-центра, в июне 2024 года⁴⁶ уверенность домохозяйств достигла самого высокого уровня с 2000-х годов. Россияне снова начали покупать автомобили (в основном — Lada⁴⁷) и стали чаще ездить в отпуск (внутренний туризм находится на

40. Постановление Правительства Российской Федерации от 13 ноября 2024 года № 1534, просмотрено 11 июня 2025, доступно по ссылке: <https://publication.pravo.gov.ru>.

41. D. Massicot, «Russia's Post-War Military Recruiting Strategy Emerges» [Формируется послевоенная стратегия военного набора России], *War on the Rocks*, 16 августа 2024, доступно по ссылке: <https://warontherocks.com>.

42. «Участники войны в Украине стали новым средним классом России», *The Moscow Times* (опубликовано в Telegram), 22 августа 2024, доступно по ссылке: <https://t.me>.

43. Там же.

44. C. Weaver, A. Stognei, «Russia's Surprising Consumer Spending Boom» [Неожиданный потребительский бум в России], *Financial Times*, 26 июля 2024, доступно по ссылке: www.ft.com.

45. Россия: ключевые экономические и социальные показатели, Росстат, № 12994, 2024, доступно по ссылке: <https://rosstat.gov.ru>.

46. *Socio-Economic Indicators* [Социально-экономические показатели], Levada Center, просмотрено 11 июня 2025, доступно по ссылке: www.levada.ru.

47. Y. Garaeva, «Russian Car Market Is Emerging from the Crisis» [Российский автомобильный рынок выходит из кризиса], *Реальное время*, 27 сентября 2024, доступно по ссылке: <https://m.realnoevremya.com>.

подъёме⁴⁸). Они также накапливают сбережения: объём наличных вкладов в банках в 2023 году вырос на 35% по сравнению с 2021 годом⁴⁹. Уровень бедности достиг одного из самых низких показателей со времён распада СССР: 7,2% населения в 2024 году, что составляет около 12 миллионов человек⁵⁰.

Это финансовое перераспределение, однако, порождает множество проблем. Существует статистически положительная корреляция между регионами, где большое число мужчин уходит на фронт, и теми, где количество взятых банковских кредитов является самым высоким⁵¹. Это означает, что семьи, в которых один из членов находится на фронте, берут новые потребительские кредиты или оформляют ипотечные займы, чтобы улучшить качество жизни и жилищные условия, с возможными негативными последствиями задолженности, особенно в виде неспособности своевременно погашать долги.

В начале войны накопление долгов стало одной из основных причин вступления в армию⁵². Однако с 2023 года начали внедряться новые социальные стратегии: теперь двигателем вовлечения кажется уже не столько задолженность, сколько желание быстро накопить первоначальный капитал, который часто вкладывается в улучшение жилья, ремонт или покупку автомобиля. Таким образом, участие в войне касается теперь не столько людей с финансовыми проблемами, сколько представителей малых сельских средних классов, которые рассматривают это как инвестиционный проект.

Кроме того, хотя это военное кейнсианство оказало выравнивающее влияние, оно не изменило глубинную социальную стратификацию России и не принесло выгоды всему населению: согласно данным Центрального банка России, более трети россиян столкнулись с сокращением реальных доходов в период с февраля 2022 по февраль 2024 года⁵³. Уже в начале 2024 года пик

48. А. Авраменко, «Туризм пошёл в рост: с какими итогами российская отрасль вступила в 2024 год», *RUSSPASS Журнал*, 22 марта 2024, доступно по ссылке: <https://mag.russpass.ru>.

49. «Russia's Surprising Consumer Spending Boom» [Удивительный рост потребительских расходов в России], в указанном источнике.

50. Однако изменения в методологии, вероятно, «потеряли» около 2 миллионов бедных. См. Д. Гурбанов, В. Копыток, «2,4млн бедных выпали из статистики Росстата в 2024 году», *Tochno.st*, 27 марта 2025, доступно по ссылке: <https://tochno.st>.

51. V. Zvonovskiy, «The Economic Divide of War: How the Russia-Ukraine Conflict Reshaped Regional Prosperity» [Экономический раскол войны: как конфликт между Россией и Украиной изменил региональное благосостояние], *Academic Policy Paper Series*, № 3, 29 ноября 2024, доступно по ссылке: <https://therussiaprogram.org>.

52. V. Zolkin, *Russian POWs Interviews with English Subtitles* [плейлист], YouTube, просмотрено 11 июня 2025, доступно по ссылке: www.youtube.com.

53. J. Vercueil, «C'est la rente pétrolière qui maintient à flot l'économie de la Russie» [Именно нефтяная рента поддерживает экономику России на плаву], *Le Monde*, 11 апреля 2025, доступно по ссылке: www.lemonde.fr.

этого выравнивания, по-видимому, прошёл: наиболее обеспеченные слои постепенно восстановили свой финансовый оптимизм, а с течением месяцев менее обеспеченные группы стали ощущать снижение финансовой стабильности, особенно из-за роста цен на товары первой необходимости⁵⁴. В январе 2025 года Левада-центр отмечает, что наибольшую тревогу по поводу предстоящего года испытывали самые бедные слои населения, жители сельской местности и пожилые люди, тогда как наиболее оптимистичными были молодые, более обеспеченные и жители крупных мегаполисов, особенно Москвы⁵⁵.

Наконец, будущее этого финансового потока остаётся неопределённым, хотя власти, по-видимому, пока намерены продолжать щедро оплачивать труд контрактников. По мнению аналитиков Альфа-Банка, рост заработных плат в 2025 году (с учетом инфляции), который был замечен в 2023 и 2024 годах, сейчас остановился⁵⁶. Кроме того, четыре региона (Ямало-Ненецкий округ, Нижегородская область, Белгородская область и Башкортостан) уже сократили суммы, выделяемые при заключении контракта с Министерством обороны⁵⁷.

Даже если материальные выгоды, полученные солдатами и их семьями в результате войны, со временем могут сократиться, ветераны всё же пользуются значительным, — и, вероятно, долговременным, — символическим признанием со стороны государства.

54. V. Zvonovsky, «The Impact of the Russia-Ukraine Conflict on the Dynamics of Russians Material Well-being» [Влияние конфликта между Россией и Украиной на динамику материального благосостояния россиян], *Academic Policy Paper Series*, № 10, март 2025, доступно по ссылке: <https://therussiaprogram.org>.

55. *Expectations for 2025* [Ожидания на 2025 год], Levada Center, 14 января 2025, просмотрено 11 июня 2025, доступно по ссылке: www.levada.ru.

56. «V Rossii prakticheski ostanovilsia rost real'nykh zarplat», [В России практически остановился рост реальных зарплат], 31 мая 2025, *The Moscow Times*, www.moscowtimes.ru.

57. «Деньги кончаются. Четвертый регион снизил пошлины для записывающихся на войну в Украину», *The Moscow Times*, 3 июня 2025, www.moscowtimes.ru.

Оценка и поддержка ветеранов: реинтеграция и идеологическое влияние на общество

Для российских властей вопрос ветеранов является деликатным, поскольку они одновременно представляют собой источник социальных и политических проблем и эталон новой лояльной и патриотичной элиты. Эти две стороны отражаются в официальных заявлениях. С одной стороны, российские бюрократы обычно называют ветеранов «новыми афганцами» (отсылка к советским ветеранам войны в Афганистане, которых тогдашняя власть во многом оставила без поддержки и которые стали источником социальных волнений). Даже такие ключевые фигуры, как Сергей Кириенко, признают, что ветераны «плохо адаптируются» к возвращению к гражданской жизни⁵⁸. И действительно, в мае 2025 года около 40% демобилизованных ветеранов так и не нашли работу в гражданской сфере. Et en effet, en mai 2025, environ 40 % des anciens combattants démobilisés n'avaient pas encore retrouvé d'emploi civil⁵⁹.

С другой стороны, Владимир Путин представляет их как «истинную элиту» России, способную заменить или, по крайней мере, очистить циничную и коррумпированную элиту, унаследованную из 1990-х годов⁶⁰. Количество «ветеранов специальной военной операции», официально признанных российским правительством, трудно точно оценить. Прокуратура России уже выдала 300 000 удостоверений ветеранов (этот статус также присваивается супругам в случае смерти солдата), а Министерство труда прогнозирует около 750 000 — вероятно, это оценка общего числа ветеранов после завершения войны⁶¹.

58. А. Перцев, «В Кремле считают, что участники войны “плохо адаптируются” к мирной жизни после возвращения с фронта», *Meduza*, 19 июля 2024, доступно по ссылке: <https://meduza.io>.

59. «Почти половина демобилизованных участников войны в Украине не смогли найти работу», *The Moscow Times*, 2 июня 2025, www.moscowtimes.ru.

60. «Участников СВО Путин назвал подлинной элитой», *Интерфакс*, 29 февраля 2024, доступно по ссылке: www.interfax.ru.

61. «Участники СВО получили статус ветерана боевых действий», *Победа.РФ*, 26 марта 2024, доступно по ссылке: <https://pobedarf.ru>; «Министерство труда и соцразвития заказало 230 тысяч удостоверений для членов семей погибших ветеранов боевых действий», *Вёрстка*

Одним из важнейших социальных вызовов, связанных с возвращением ветеранов, безусловно, являются медицинские вопросы — например, в 2023 году было зарегистрировано более 70 000 заявок на протезы⁶² — и, в частности, проблема посттравматического стрессового расстройства (ПТСР). По данным Министерства здравоохранения, 20% солдат, уже вернувшихся с фронта и обратившихся за психологической помощью (а это меньшинство), страдают от ПТСР⁶³. Последствия для здоровья (алкоголизм, наркотическая зависимость) и для общества (домашнее насилие и рост преступности) потенциально существенны и уже проявляются в конкретных случаях⁶⁴. В качестве сравнения можно привести, например, тот факт, что более половины ветеранов афганской войны страдали алкоголизмом или наркотической зависимостью в 1989 году, две трети ветеранов чеченских войн страдали от посттравматического стрессового расстройства, а к середине 2000-х годов в тюрьмах находилось более 100 000 ветеранов из общего числа в 900 000⁶⁵.

Хотя российское государство сегодня работает лучше, чем в 1990-е годы или в начале 2000-х, отсутствие культуры обращения за психиатрической помощью и слабость больничной инфраструктуры в регионах будут играть ключевую роль в том, удастся ли вернуть к нормальной жизни сотни тысяч этих мужчин. К весне 2024 года, то есть спустя два года после начала войны, уже около 200 ветеранов были осуждены, преимущественно за домашнее насилие, а по разным оценкам, от 100 до 500 человек были убиты или ранены ветеранами⁶⁶. Эти цифры могут резко вырасти после окончания войны и возвращения солдат домой.

В этом контексте деятельность ветеранских объединений станет решающей. Уже существует не менее 70 ветеранских организаций различного масштаба и с разными целями, которые предлагают

(опубликовано в Telegram), 18 сентября 2023, доступно по ссылке: <https://t.me/svobodnieslova>.

62. V. Hopkins, N. Heitmann, «For Many Returning Russian Veterans, a Long Road of Recovery Awaits» [Для многих возвращающихся российских ветеранов предстоит долгий путь восстановления], *The New York Times*, 7 января 2025, доступно по ссылке: www.nytimes.com.

63. Л. Лемясова, «Насилия больше, безопасности меньше», *Важные истории*, 16 сентября 2024, доступно по ссылке: <https://stories.media>.

64. М. Plyushina, «Russia Sends Soldiers to War but Ignores Mental Trauma They Bring Home» [Россия отправляет солдат на войну, но игнорирует психологические травмы, которые они приносят домой], *Washington Post*, 10 декабря 2022, доступно по ссылке: www.washingtonpost.com.

65. T. Lattanzio, H. F. Stevens, «Wounded Veterans, Wounded Economy: The Personnel Costs of Russia's War» [Раненые ветераны, раненная экономика: кадровые издержки войны России], *War on the Rocks*, 9 июля 2024, доступно по ссылке: <https://warontherocks.com>.

66. «Россию захлестнула волна военной преступности: почти 200 «участников СВО» осудили по насильственным статьям», *The Moscow Times*, 11 апреля 2024, доступно по ссылке: www.moscowtimes.ru; «Сопутствующие жертвы. Как участники войны в Украине, вернувшись в Россию, продолжают убивать и калечить», *Planeta Press*, 25 апреля 2024, доступно по ссылке: <https://planeta.press>.

помощь в возвращении к гражданской жизни и юридическую поддержку бывшим военным. Эти организации объединены в Союз ветеранов, который тесно связан с военизированными структурами, находящимися в ведении Министерства обороны. К примеру, новая ассоциация под названием «Войсковое братство “СВОи”» (игра слов: СВО как «специальная военная операция» и «свои») провела свою учредительную встречу осенью 2024 года в Центральном доме Российской армии в Москве⁶⁷.

Ветераны представлены режимом как новый кадровый резерв России. Это возвеличивание особенно ярко демонстрируется через программу «Время героев», запущенную весной 2024 года и курируемую Президентской академией при РАНХиГС — российским аналогом ENA (Национальная школа администрации), которая отвечает за их подготовку. Однако эта стратегия социальной мобильности пока охватила лишь около сотни человек и предполагает, что у ветеранов уже есть высшее образование и управленческий опыт, что соответствует лишь крайне небольшой части из них⁶⁸. В местных выборах в сентябре 2024 года более 300 ветеранов выдвинули свои кандидатуры, чаще всего — по спискам правящей партии «Единая Россия», что вновь подчёркивает стремление властей продвигать их в качестве образцов для общества⁶⁹. Некоторые из них получили важные политические посты — например, Артём Жога, бывший высокопоставленный командир из Донецка, был назначен полномочным представителем президента в Уральском федеральном округе — роль скорее символическая, чем реальная в плане принятия решений. Другой ветеран, Сергей Сокол, напротив, потерпел неудачу на выборах губернатора Хакасии, что подтверждает: статус ветерана сам по себе ещё не гарантирует успеха в политической борьбе.

Тем не менее, настоящий социальный лифт, связанный со статусом ветерана, касается не столько политических должностей в строгом смысле, сколько более скромных позиций и званий в административной иерархии. Например, три региона (Москва, Самара и Вологда) обязывают предприятия с более чем 100 сотрудниками нанимать 1% ветеранов⁷⁰. Ряд ветеранов также смогли вернуться к гражданской жизни, устроившись в сферу патриотического воспитания, которая переживает бурный рост: её финансирование выросло с 5 миллиардов рублей в 2022 году до 40 миллиардов в 2023-

67. «СВОи»: в России появилось новое общественное движение ветеранов СВО», *Аргументы Недели*, 26 октября 2024, доступно по ссылке: <https://argumenti.ru>.

68. См. «Программа “Время героев”», просмотрено 11 июня 2025, доступно по ссылке: <https://времягероев.рф>.

69. А. Винокуров, «Боевые в действии», *Коммерсантъ*, 24 сентября 2024, доступно по ссылке: www.kommersant.ru.

70. «Третий российский регион обязал бизнес брать на работу участников войны», *The Moscow Times*, 29 мая 2025, www.moscowtimes.ru.

м и 45 миллиардов в 2024 году⁷¹. Многие из этих должностей связаны со спортивной и военизированной сферами — традиционной нишей для ветеранов Афганистана⁷². Другие смогли устроиться в систему образования и теперь преподают школьникам новые патриотические дисциплины, введенные с 2022 года. Их подготовкой занимается Росмолодёжь — Федеральное агентство по делам молодёжи, которое организует обучающие семинары⁷³. Новый курс по вопросам безопасности и защиты Родины, а также другой курс под названием «Уроки мужества» всё чаще преподаются именно ветеранами, которые в будущем, вероятно, будут привлечены и к преподаванию всех дисциплин, связанных с гражданским воспитанием — идея, которую лично поддерживает Кириенко⁷⁴. Для их подготовки в 2023 году был открыт учебный центр для преподавателей — исключительно для бывших военнослужащих⁷⁵.

Ветераны также чествуются в общественном пространстве: они теперь обязательно присутствуют на всех собраниях общественных организаций и благотворительных мероприятиях. Их также приглашают на все телевизионные программы — от ток-шоу до реалити-шоу. Для них даже создана специальная передача «Свои», где ветераны вместе с семьями рассказывают о своих подвигах, патриотизме и семейных ценностях, показывая, как женщины и дети перестраивают свою жизнь в ожидании возвращения героя. Ветераны также занимают видное место в визуальном пространстве многих российских городов и сёл: на больших плакатах размещают их фотографии с именами. По телевидению часто показывают рекламные ролики Министерства обороны, прославляющие «настоящих мужиков», мотивированных чувством ответственности, патриотизмом и архетипичной мужественностью — критериями, традиционно хорошо воспринимаемыми в российском общественном мнении, для которого армия всегда была воплощением этих ценностей ещё до начала конфликта в 2022 году⁷⁶.

71. «Финансирование проектов по патриотическому воспитанию достигнет ₽46 млрд», *РБК*, 9 октября 2023, доступно по ссылке: www.rbc.ru.

72. M. Laruelle, «Patriotic Youth Clubs in Russia. Professional Niches, Cultural Capital and Narratives of Social Engagement» [Патриотические молодежные клубы в России. Профессиональные ниши, культурный капитал и нарративы социальной активности], *Europe-Asia Studies*, том 67, № 1, январь 2015, стр. 8-27, доступно по ссылке: <https://tandfonline.com>.

73. «Когда дети слышат взрывы, это их успокаивает», *Вестки*, 14 апреля 2023, доступно по ссылке: <https://meduza.io>.

74. S. Kirienko, *Brief* (опубликовано в Telegram), 20 августа 2023, доступно по ссылке: <https://t.me>.

75. В. Рубанов, «Ветеранов СВО готовят для преподавания нового предмета в школах», *Звезда*, 6 сентября 2023, доступно по ссылке: <https://tvzvezda.ru>.

76. «Готовность к службе в армии и неуставные отношения», *ВЦИОМ*, 21 декабря 2020, доступно по ссылке: <https://wciom.ru>.

Заключение

Если военное кейнсианство, введённое российскими властями в 2022 году для поддержки военных усилий в Украине, помогло удержать российскую экономику на плаву, оно также преобразило общество. Независимо от экономического будущего страны и политических изменений, последствия войны будут оказывать влияние на российское общество в течение многих лет. Целое поколение мужчин и их семей сформировалось под воздействием фронтового опыта и связанного с ним финансового и символического признания.

Эта монетизация службы Родине, которую некоторые называют «экономикой смерти» или некрономикой⁷⁷ — потому что она придаёт большее значение солдату, погибшему на фронте, чем его мирному труду — парадоксальным образом позволила периферийной России получить объёмы бюджетных средств, невиданные со времён распада Советского Союза. Тем не менее, это не изменило глубинную постсоветскую социальную стратификацию. Спустя три года после начала войны социально-экономические выгоды, которые это военное кейнсианство принесло самым скромным слоям российского общества, похоже, достигли своих пределов. Богатые и обеспеченные слои в значительной степени избежали фронта благодаря массовому участию более бедных представителей общества, что косвенно легитимирует закреплённые социальные роли каждой из этих групп в современной России.

Кроме того, поддержание затрат на эти социальные выплаты останется серьёзной задачей для российской экономики и для нового регионального баланса, который из этого возник. Регионы, выигравшие от конфликта благодаря присутствию военно-промышленного комплекса на своей территории, не заинтересованы в прекращении притока государственных средств и рассчитывают на сохранение логики холодной войны, при которой военные расходы будут оставаться приоритетными даже без прямого военного конфликта. Также возможно возникновение ресентимента по этническому критерию в республиках и регионах, которые отправляли на фронт свои национальные меньшинства.

77. И. Тумакова, «Владислав Иноземцев — о том, как “гробовые” и другие выплаты изменили экономику страны», *Новая газета*, 25 июля 2023, доступно по ссылке: <https://novayagazeta.ru>.

В более широком плане социальные расходы сыграют ключевую роль в развитии ветеранских сообществ и их позиции на политической арене. Выделяются несколько возможных сценариев. Можно представить себе, что власть постепенно забудет ветеранов, и они вернутся в анонимность периферийной России, как это произошло с «афганцами» или, в меньшей степени, с ветеранами чеченской войны. Они будут лелеять горькую память о «жирных годах» и оставят обществу, общественным организациям и семьям ношу физических и психологических травм. В таком сценарии престиж службы в армии может снизиться, а молодые поколения будут воспринимать ветеранов как антимodelь — символ социального провала, что полностью противоречит ожиданиям власти.

Другой возможный сценарий — это ветераны, которые будут бросать вызов Кремлю с максималистских позиций, объединяясь с самыми националистическими военными блогерами и критиками, обвиняющими власти в чрезмерной «мягкости» по отношению к целям войны, подобно Евгению Пригожину в 2023 году. В зависимости от условий перемирия самая радикальная и милитаристская часть элит, для которой Украина должна быть полностью побеждена силой, а конфликт — разрешён оружием, может найти в ветеранских сообществах народную поддержку. Военные блогеры, вероятно, будут поддерживать эту культуру войны и находить отклик у части ветеранов, особенно среди тех, кто затем будет работать в сфере патриотического воспитания.

Третий сценарий, которого ожидают власти, — успешная интеграция ветеранов в послевоенное российское общество, где они станут вдохновением для патриотических практик граждан и трансформируют элиты. Подобно тому, как когда-то партбилет КПСС был ключом к социальной мобильности, участие в войне в Украине станет новой «партийной карточкой», гарантирующей карьерный рост и служащей символом идеологической лояльности. Высшие классы, которые тщательно избегали фронта, могут тогда оказаться символически наказанными. Однако в этом последнем сценарии ветераны не останутся единственными претендентами: им будет составлять конкуренцию новое поколение бюрократов, которое воспользовалось конфликтом, чтобы продвинуться по служебной лестнице, а также все те, кто рассчитывает получить отдачу от своих лет, проведённых на «новых территориях» оккупированной Украины. Действительно, многие российские политики совершают короткие символические поездки на фронт, чтобы приобрести иллюзию статуса ветерана и тем самым укрепить свою легитимность⁷⁸. В результате

78. К. Смолякова, «Имитация фронта», *Riddle*, 14 апреля 2023, доступно по ссылке: <https://ridl.io>.

новые бюрократические противостояния могут сформировать политическую культуру России в послевоенный период.

Эти три сценария могут сосуществовать и переплетаться, реализуясь через разные стратегии в зависимости от ветеранских объединений, которые сформируются, и новых лидеров, которые из них выйдут. Исторический опыт успешной или неудачной реинтеграции крупных сообществ ветеранов, например ветеранов Великой войны в Европе, предоставляет интересные точки сравнения. Вероятно, что часть ветеранов будет стремиться к спокойной жизни вдали от фронта, тогда как другие включатся в деятельность, близкую к самоуправству, формируя братства по оружию, которые могут быть использованы некоторыми представителями элит. Привычка к войне и её щедрым доходам может способствовать поддержке новых военных проектов со стороны «ястребов» режима, тогда как рынок частного наёмничества будет процветать в будущем России — включая экспорт таких услуг.

В любом случае послевоенное российское общество станет более милитаризованным, и эта его часть, скорее всего, сохранит оппозицию Западу и любой идее сближения с бывшими врагами, что резко контрастирует с другими социальными группами, которые почувствуют облегчение от прекращения боёв и будут стремиться к возвращению к нормальной жизни. Таким образом, в ближайшем будущем идеологическая сцена в России может оказаться гораздо более фрагментированной, чем принято думать.

Последние публикации

Russie.Eurasie.Visions

- ▀ [S. Sukhankin, “The Caspian Sea as an Emerging Energy Hub: Potentials and Limitations”, No. 138, February 2025.](#)
- ▀ [P. Baev, “Commanders of Putin’s Long War: Purged, Reshuffled and Disgruntled”, No. 137, December 2024.](#)
- ▀ [I. Dezhina, “Russia and the New BRICS Countries: Potentials and Limitations of Scientific and Technological Cooperation”, No. 136, September 2024.](#)
- ▀ [F. Vidal, “Russia in the Arctic: The End of Illusions and the Emergence of Strategic Realignments”, No. 135, August 2024.](#)
- ▀ [B. Lo, “Between Aspiration and Reality: Russia in the World \(Dis\)order”, No. 134, June 2024.](#)
- ▀ [D. Minic, “La politique russe d’Emmanuel Macron : étapes et racines d’une nouvelle approche, 2017-2024”, No. 133, April 2024.](#)
- ▀ [V. Inozemtsev, “Central Asia: Making Use of a Historic Opportunity”, No. 132, December 2023.](#)
- ▀ [R. Genté, “Georgia: Another Russian Front”, No. 131, December 2023.](#)
- ▀ [P. Baev, “Russia’s New Challenges in the Baltic/Northern European Theater”, No. 130, November 2023.](#)
- ▀ [V. Inozemtsev, “The Exodus of the Century: A New Wave of Russian Emigration”, No. 129, July 2023.](#)
- ▀ [F. Parmentier, “Moldova, a Political System Under Pressure: Between European Aspirations and War in Ukraine”, No. 128, May 2023.](#)
- ▀ [M. Laruelle, “Russia at War and the Islamic World”, No. 127, January 2023.](#)

If you wish to be notified of upcoming publications (or receive additional information), please e-mail: dechaptres@ifri.org.

27 rue de la Procession 75740 Paris cedex 15 – France

Ifri.org